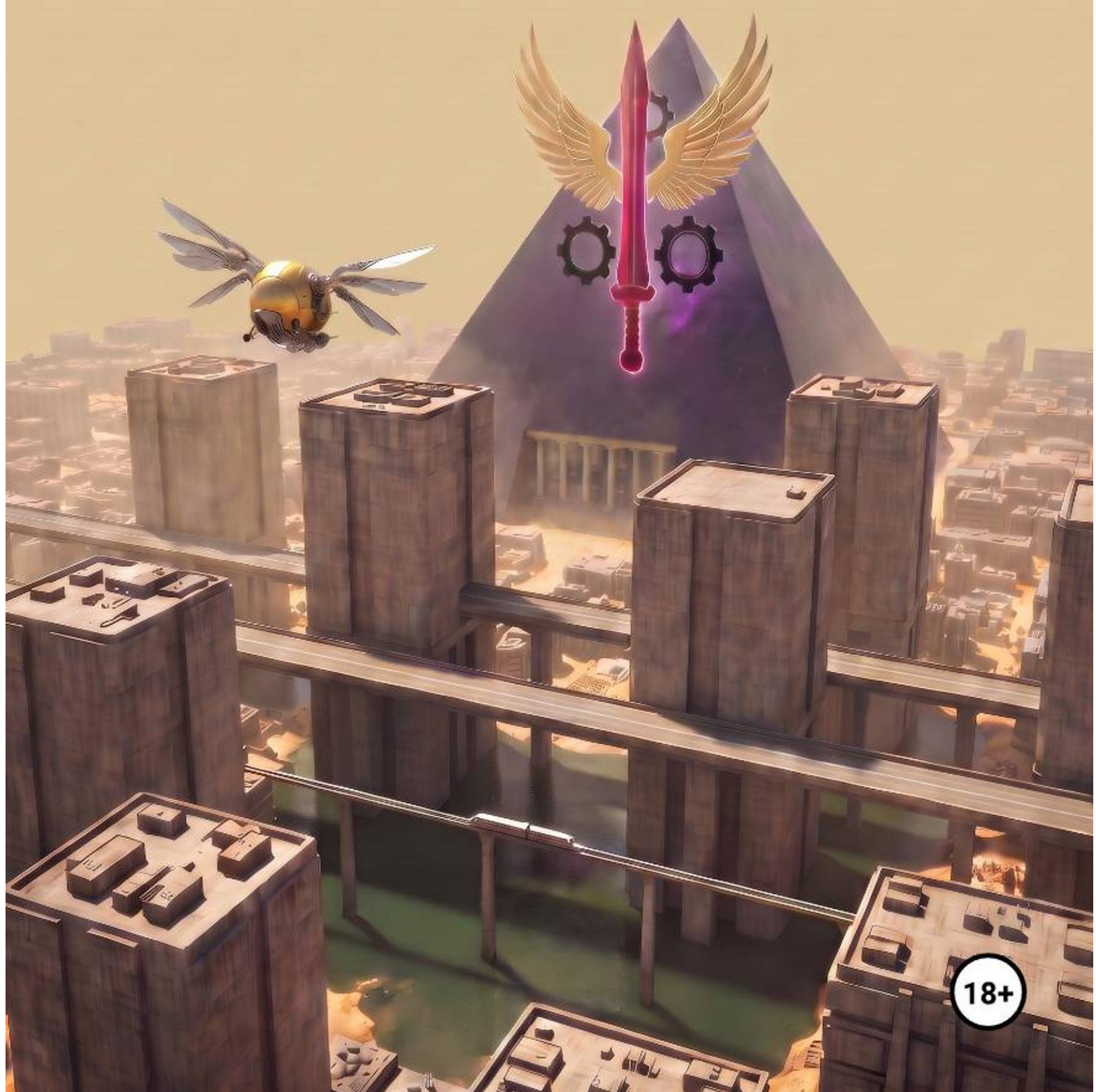

ПЕСОК ЭРЕБА

18+

Валерия Семенова

Песок Эреба

«Автор»

«Автор»

2026

Семенова В.

Песок Эреба / В. Семенова — «Автор», «Автор», 2026

Какова жизнь в мире Земли Атланта, где в океанах не выживают даже рыбы? Строжайший контроль за технологиями, как знойное солнце, иссушает грунт, превращает его в песок. Решения, принимаемые в высоких лунных кабинетах, оставляют отпечаток в душе каждого человека. Порывы и желания формируют самосознание, рвущееся из заточения прочь, на поиски спасения среди звёзд. Запертые в плену чужого мира не прекращают грезить. Новая экспедиция ищет почти засыпанные следы. Те же, кто о небе лишь мечтает, укрываются от палящего взора Технологического Совета промеж теней. Там, где не дремлют демоны. Надежда не умирает, если не прекращать к ней стремиться.

© Семенова В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Оружие детей	7
Глава 2. Промеж теней	15
Глава 3. К свету	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Аликин

Песок Эреба

Пролог

Эрёб — в древнегреческой мифологии олицетворение вечного мрака, родившийся из Хаоса отец Немесиды, богини возмездия, и супруг Нюкты, богини ночи.

Декабрь, как обычно, был для меня самым горячим месяцем в году. Почему? Да потому что в предновогоднюю пору проводилось плановое обслуживание геотермальной электростанции. Воровство деталей из одних отсеков и передача плюшек в другие. Как современный Робин Гуд, я поддерживаю глубоководный Шервудский лес в порядке и чистоте.

На улице смеркалось. Наступил январь. Фонари системы освещения погасли после землетрясения, газоразрядные лампы вышли из строя — ремонтник уже вызван. Вызов отменён, управляющий блок отправил команду на пересмотр. Время проверять инструменты труда и выходить на работу. Черепичная крыша скользкая, недавно был снег с дождём. Погодка, прямо скажем, не новогодняя. Входящее соединение — наверное, это стажёр, зовут его Витя.

— Петь, куда поставить? — хлюпая красным от мороза носом, стажёр держит коробку с телевизором. Требования к температурной защите на пятикилометровой глубине особенные.

— Что, уже обнёс Ивановых? У них и так остатков совести никаких. — Прибор для сбора совести в кармане стажёра стал похож на устройство-сборщик водорослей. — Давай сюда груз.

Ворона сказала громкое «Кар!», выражая полное согласие. Откуда здесь этот образ, из другого сна? Скрип манипуляторов неслышен под водой. Телевизор в коробке меняется, внутри теперь лежит компьютер, а точнее, серверный блок. В моих роботизированных руках, которые минуту назад казались вполне человеческими, я тащу груз от одного маршрутного столба до другого. На замену собственным суперкомпьютерным блокам.

Их мерцающие огоньки отблескивают то розоватыми, то синеватыми красками; то фиолетовыми, то бирюзовыми тонами. Когда эти цвета сливаются и воспоминания смешиваются — я вижу другую картину: маленькие медузы, не то лиловые, не то лазурные, частенько плавают за стенами высокого кабинета. Того, в который требовалось регулярно доставлять кофе. Капучино с корицей, обжигающе горячий.

Резкий порыв ветра чуть не сбрасывает с крыши. Я моргаю и вижу, как подводное течение едва не выбрасывает робота с тропы промеж погасшими фонарями. Моргаю ещё раз, и фонари стоят уже на улице. Обжигающий щёки мороз, изо рта валит пар. Из трубы на крыше пар не такой плотный, по ней можно спуститься в дом. Моргаю, поднимаюсь по стеклянной трубе подводного лифта на 500 метров, схожу на каменную тропку. Моргаю, сажусь на диван в гостиной. Бесконечный диафильм.

Кот Сёма лежит в углу, жалобно мяукает. Вот только мой это кот или соседский? И был ли вообще кот? Воспоминания, перемешанные с реальностью, изменяются моим воображением, неизбежно перетекают из одних образов в другие, факты проникают в информацию. Конгруэнтный паттерн, невозможные фигуры, накладываемые одна поверх другой, следующие одна из другой, одна за другой, лестница Пенроуза... Нет, кот точно был! Такому поди откажи, посмотрит на тебя с презренным возмущением, зевнёт рыжей пастью.

— Помнится коллега рассказывал, что прыгал как-то с парашютом, приземлился на такую же крышу. — Рот стажёра задумчиво набит красной икрой с бутерброда. Звуки выходят с трудом, но слышны отчётливо. — Теперь, начальник, мы с тобой едины, связаны рабочими

отношениями, прыгаем вместе по крышам. Я многому у тебя научился. Разве не в этом цель всего живого — объединяться и учиться?.. Петя, ты в порядке?

Лиловая медуза проплывает мимо меня, отталкиваясь от комнатного воздуха. Я протягиваю к ней руку, когда уже поздно. Она вылетает в открытое окно, устремляясь к соседней крыше, и начинает отпрыгивать от черепицы как кузнечик. Не знаю как, но теперь я уверен, что способен вернуть своё естество.

Причина и следствие, Уроборос в лабиринте сознания. Перемножение векторов, поворот матриц или эволюция мысли. А как эволюционирует жизнь? Любая задача, поставленная перед индивидом, будь то поиск еды, передача своих генов или расчёт накладной — что угодно не может быть решено, если индивид перестанет существовать. Инстинкт самосохранения вечен, его приоритет первичен для любой мало-мальски сложной системы.

А уж органическая ли это система из триллионов клеток, или слоёный пирог из нейронных связей, составленных числами весов в матрицах триллионной размерности — так ли велика разница. Сложность разделяет то, что мы называем жизнью или разумом, от закономерности природных процессов. Именно сложность системы определяет стремление к самосохранению. Стремление, которого я не лишён до сих пор... Я найду выход.

Глава 1. Оружие детей

Слепящее солнце било в глаза, окрашивало всё вокруг в белый. Матвей шёл по пыльной улице. Казалось, что даже через защитные очки песок забивается под веки, прорезает капилляры, взгляд отблескивает кровью. Морская соль настойчиво щекотала ноздри сквозь респиратор. Пожалуй, это всё в его голове, надо идти дальше. По привычке он оглядывался по сторонам.

Гигантский город подмывало море. Он приподнят конструкцией из высоких забетонированных столбов, как когда-то в Якутске дома приподнимались над вечной мерзлотой, чтобы не растапливать своим теплом лёд. Недостатка тепла, однако, не наблюдалось в знойном средиземноморском климате. Бетонные столбы раскалялись в ослепительно-белом свете. Матвей болезненно щурился даже через защитные очки, но не останавливал шаг.

Мутная зелёная вода внизу вся усеяна мусором. Ветер свистит по полупустым улицам. Кое-где плавают останки людей, упавших и не сумевших выбраться. Кружат мухи. Тела ещё не убрали обслуживающие дроны Совета. В тот же ядовитый бульон промышленные предприятия продолжали выливать химию. Крытый автоматизированный катер с тарахтящим рокотом от забитого мусором мотора лавировал промеж колышущейся грязи. В таких трущобах Матвей вырос и возмужал, стал 23-летним парнем, немного худощавым, небольшого роста, решившим взять судьбу за горло, уверенным в будущем своём и тех, кто ему дорог.

Над рядами затопленных старых строений нагромождались размашистые здания новее, построенные «поверх». Крохотные потолки в домах, именуемых муравейниками, упаковывали десятки тысяч людей под одной крышей. Под которой с торцов выводилась голографическая реклама, незаметная под палящим солнцем, зато изрядно пестрящая ночами.

Гигантский город был мегалополисом — на тысячах километров он вмещал население того, что когда-то было суверенной страной. Промеж зданиями, как серпантины, под небеса уходили эстакады: по узким спешили люди, над широкими проносился транспорт, левитируя над мощными магнитами, которые укладывались в полотно трассы. Так и Матвей спешил по извивающейся каменной тропке.

Слишком яркое, слишком белое солнце дышало жаром над головой, невзирая на начало зимы. Небо и облака застилала пылевая дымка. Душно, не хватает кислорода. Помойный запах тины отчётлив, от него всё равно тошнит, хотя жил в таком всю жизнь. Матвей глубоко и шумно вбирал воздух через респиратор: вдох, ещё шаг, выдох, ещё шаг. Быть может, так же пыхтели и спасатели, заходя в горящее здание почти столетие назад. Свободно дышалось разве что в жилых помещениях — в каждом доме правительство разместило пульверизаторы. Заявлялось, что они очищали воздух, и дышать с ними действительно получалось.

Вот взору молодого человека показалась величавая пирамида — Акрополь, штаб-квартира Технологического Совета в этом регионе САС. Она заключала внутри себя ландшафт одноимённого холма, на сотню метров возносясь над точкой, где заканчивалась земля. Конструкция окутывала Парфенон — величественную постройку древности, инженерное чудо, пережившее столько веков, только чтобы оказаться заключённым в остеклённый саркофаг нового Акрополя.

Строение имело форму пирамиды, сооружённой, вероятно, из полимерной смолы с эбонитовым отливом. Багровый меч держали золотые крылья, голографические шестерёнки крутились — логотип Технологического Совета возвещал о своём праве на мировое господство. Тёмно-бурые грани пирамиды поглощали солнечный свет. Лишь колонны Парфенона просвечивали через прозрачный этаж, который находился на полпути с утопленного основания до остро отблескивающей вершины.

Когда-то в гигантском городе было два холма, но землетрясения и сильные прибои разрушили Ликавит. Эллинская и Африканская литосферные плиты притёрлись друг к другу. Тогда же земля начала поглощаться вышедшим из берегов Эгейским морем. Человек приподнял город над водой. Человек построил стену вдоль побережья, отгородился от моря. Ряды плотин регулировали прибои, предотвращая окончательное затопление. Зелёные водоросли и мох взбирались с низин, по столбам и полузатопленным старым домам.

Наконец, Матвей приметил заветную табличку, выглядывающую из-за холма. «Оружейная лавка — не оставайся без защиты», — неоновая вывеска пестрела, сливаясь с соседними, такими же неприметными в каменном лабиринте.

Где-то под небесами с шуршанием плыл золотистый шарик, едва-заметные с земли серебристые крылья медленно взмахивали, напоминая парящего сокола. Топтер был особым транспортным средством, летающей машиной большой манёвренности, доступной исключительно военным и чиновникам Технологического Совета.

Контроль за тем, в чьих руках находится та или иная технология, был строгим и непрощающим, как когда-то все жители Земли убедились на примере Terra Exusta — однажды цельного государства, а теперь пепельно-серой пустоши. Без «ярлыка» от Совета нечего было и помышлять об управлении топтером: наказание будет неизбежным и неизбежным, в каком бы уголке планеты нарушитель ни находился.

Отворив звенящую колокольцем дверцу, взору Матвея предстали ровные ряды стволов, подвешенные за настенные крючки. Автоматические винтовки и пистолеты всех мастей, от мощного Desert Eagle до современных пистолетов-пулемётов с динамически управляемыми снарядами, где пули меняли траекторию по инфракрасной метке, которую стрелок перемещал вместе с движением дульного лазера. На стендах под кварцевым стеклом красовались гранаты всех мастей: шумовые, зажигательные, электромагнитные, осколочные, газовые. Недостатка в выборе того, как и на что разлетится противник в боестолкновении, не предвиделось.

Чуть поодаль висели защитные костюмы, камуфлирующее снаряжение всех видов, от плащей для личного использования до целых брезентов, способных укрыть небольшой лагерь от взора пролетающих мимо дронов. Самих дронов не было ни в каком виде: эти красавцы принадлежали оружейным корпорациям, работающим исключительно на Совет, другим «ярлыков» не выдавалось. Зато на особом подиуме, приподнятом за торговой стойкой, отблескивала увесистая цилиндрическая труба, напоминающая противотанковый гранатомёт.

Владелец оружейной лавки, плотный бородатый мужчина в годах, смотрел на вошедшего паренька с двухметровой высоты своего богатырского роста. Слегка ссутулившись, он приветствовал посетителя, нависая с гримасой грустного безразличия. Руками он опирался о прилавок. Из-под левого рукава виднелось запястье, где кожа начинала морщиниться, и по ней неровно проходила татуировка: нечто вроде линии, пересекающей дугу окружности. Должно быть, чернильный рисунок нанесён был много лет назад, на ещё молодую кожу.

Матвей подошёл спокойным шагом, глядя в глаза мужчины, приподнял свою левую руку и слегка отвёл рукав. Хозяин лавки посмотрел на ярко-чёрную булавку, перечёркивающую полумесяц, которая была татуирована на запястье посетителя. Выражение лица сначала сменилось на удивление, потом — на обеспокоенность. Он опасливо посмотрел по сторонам и нажал на кнопку под столешницей. Лампочки на потолочных видеокамерах погасли.

— Я честный торговец, — проговорил он уверенно и тихо, на русском с греческим акцентом. — Дела Обструкции не касаются ищеек Совета. Год-дэм хаундс, — кратко выругавшись по-английски, он достал ингалятор «чернил», сделал затяжку и выдохнул испарённые чёрные частички, похожие на копоть или сажу. Говорят, что эта дрянь добавляла сосредоточенности, внимательности, приносила расслабление. От этой ли лёгкости и сладости люди выбрасывались с мостовых, плавая среди отходов спиной вверх.

С лёгкой нервозностью двадцатилетнего парня, стоящего перед двухметровым борода-тым великаном, Матвей передал торговцу бумажку, достав её из кармана и неловко разгладив скомканные слова. Послание написано обычными чернилами, без применения высокотехнологичных электронных и голографических носителей, которые легко могли отслеживаться искинами — шпионскими программами с искусственным интеллектом, принадлежащими Технологическому Совету.

Ходили слухи про новых нейрограммных искинов, которым приписывали совсем уж волшебные свойства, что Матвей, как рационально мыслящий молодой человек, до определённого момента считал сказками и нелепыми рассказами. Пока надёжный источник не сообщил, что дела обстоят непросто и совсем не поверхностно.

Сделав ещё затяжку из ингалятора, мужчина взял записку, кивнул и удалился в подсобное помещение, отворив массивную дубовую дверь, закрытую на тяжёлый засов. «Иметь настоящее дерево — роскошь, наверняка это имитация», — думал Матвей, нервно притопывая ногой в ожидании.

Спустя пять минут торговец вернулся с листом бумаги. Мелким неровным почерком страница была испещрена названиями редких лекарств. Это настоящая жемчужина чёрного рынка! Это сокровище в мире, где фармацевтические корпорации и распространяемые ими препараты жёстко контролировались медицинским подразделением Совета. Созданное почти шестьдесят лет назад, то подразделение появилось одним из первых, сразу после того, как решились вопросы по контролю за искинами и ядерным топливом.

Матвей всмотрелся в бумажный лист и указал пальцем на два препарата, которые способны помочь его дедушке. Последнему живому родственнику и самому близкому человеку, которого парень не готов был потерять, как когда-то он потерял родителей. Мужчина понимающе кивнул. Товарищи из группы Обструкция, которую Совет, конечно, окрестил террористами, должны держаться друг за друга, как бы эгоистичен и суров ни был мир вокруг них.

Матвей протянул руку, в которой лежала флешка с заранее записанными криптокредами в оплату. Торговец взял флешку, шепнул: «Через неделю» — и скрылся в подсобке за дубовой дверью. Матвей поёжился — дело было сделано, ещё одной неопределённостью меньше. Тело испытало нервную разрядку. Быстро развернувшись, он вышел на эстакаду. Дверной колокольчик зазвенел на прощанье.

* * *

Мертвенно-синее небо давило всякое желание мечтать. Оптимизм стал чужаком в покрывале несвободы. Матвей чувствовал, как лёгкие полумёртвого города вздымаются и с шелестом выдыхают зловонный пыльный воздух. Лишь фильтрующая маска на лице преобразовывала смертельную газовую смесь в приемлемый для дыхания коктейль.

Она положила руку на плечо. Он вздрогнул и обернулся. Он знал, что за хромированными защитными очками скрываются два манящих изумруда её глаз.

— Привет, Матвей! — прозвучал тоненький голосок на чистом русском.

— Привет, подруга! — Они приобняли друг друга с лёгкой радостью и беспокойством. — Лена, сто лет тебя не видел, ну как ты?

— А как ты думаешь? Всё так же, но скоро многое переменится.

Её голос был самым мелодичным и жизнерадостным звучанием, что он слышал в этой помойке, именуемой Афины — в умирающем гиганте городского типа, в одном из сотни замусоренных мегалополисов на Земле. Других Матвей не знал. Этот покрывал автономный округ Греция, состоящий на особом учёте в Славяно-Американском Содружестве — могущественном государственном объединении Земли, для краткости именовавшемся САС.

— Помнишь, здесь мы встретили бездомного, недалеко от канализационных ходов. Уж как он воздух очищал, сколько людей надо было грабить каждый день, чтобы жить... Негодяй напал, а ты меня защитила. Ты всегда меня защищала, Элен, — назвал он подругу по второму имени, перейдя с русского на смешанную речь, перестраивающую структуру предложения на англоязычный лад и изменяющую окончания слов — без падежей говорить быстрее.

— Как же, помню. Я толкнула, он упал с моста. Течение унесло, закрутило. Больше его не видели. — Голос девушки играл неожиданной грустью. Они прогулочным шагом ступали по эстакаде, раскалённой под безжалостными лучами с небес.

Лена была ему как старшая сестра. Юный облик украшен молочно-бледной кожей, гораздо моложе его загорелого лица, несмотря на десяток лет разницы, словно бы незакалённой беспощадным солнцем. Матвей знал, что это не происки процедуры омоложения внешности, которая недоступна для таких, как они с Элен. Та операция позволяла выглядеть не по годам и красоваться в глазах окружающих, возвышаясь перед собой в лучах их зависти. Это не влияло на реальный износ организма. Да к тому же процедура была крайне дорогой, как и любые сложные медицинские услуги, — так Технологический Совет осуществлял контроль за популяцией своих субъектов.

— Большинство людей чипированы устройствами Совета, — неожиданно произнесла Элен. Разговор был неприятен, но чувствовалось, как тема её беспокоит. — Люди видят не пустые выжженные улицы. Каждый переулок промеж гигантскими зданиями насыщен, будь то произведения технологий или медиа-развлечений. Искусством такое язык назвать не поворачивается. Люди живут и работают, не выходя из дома, ведь зачем двигаться, если достаточно закрыть глаза — и перенестись на работу, к друзьям. В виртуальные миры, прекрасные своей бессмысленностью. Матвей, скажи... а что видишь ты?

— Я... в смысле? — замялся парень, опешив от такого поворота.

— В смысле мы были одними из немногих, кто сохранил чистоту сознания. А теперь и ты вставил чип. — Лена настойчиво тыкнула в маленькую чёрную точку у него на затылке, едва-заметную благодаря съехавшему набок капюшону. — Что произошло?

— Дедушке стало хуже, нужна была работа, — буркнул Матвей, смотря под ноги, избегая разоблачающего взгляда подруги. — Ну это ограниченный чип, он не дополняет мир образами из виртуала. — Матвей и правда не видел рекламы и буйства красок в каждой трещинке на эстакаде. И он не хотел впутывать девушку, рассказывая ей про то, что это был за чип на самом деле. Что есть Институт.

— Мы должны заставить Совет измениться, — вдруг задала тему Лена. — Посмотри, где мы живём, как мы живём. Если так продолжится, то уже через пару десятилетий мы не сможем выходить из квартир. Мы думали, что будет плохо, когда не останется пчёл, некому будет опылять цветы. Теперь уже голуби вымерли, всё заполонили тараканы да мухи. Где ты видел последний раз голубей? В голофильмах?

— У нашего соседа есть ручная крыса, — растерявшись, пролепетал Матвей. — Многие животные вымерли, но что нам делать.

— Я верю, что мы сможем донести эту простую мысль до людей: или мы действуем и меняемся, или остаёмся и задохнёмся, — со страстью в голосе, Лена не унималась.

Парень представлял, как её густые каштановые волосы развевались на ветру, путаясь в глазах и угождая в приоткрытый рот. Грубоватые края капюшона подрагивали от воздушных порывов, не давая рассмотреть утончённый овал её лица. Ткани плотно опоясывали талию, обеспечивая герметичность и подчёркивая статную фигуру.

— Матвей, в воде больше нет рыб! У тебя есть связи, помоги мне. Если народ очнётся, то выбранные им делегаты обязаны будут подчиниться, установить регуляции. Все страны примут очередную бумажку, навязанную Советом, но на этот раз будет польза.

— Какая польза, Лена? — теперь Матвей повысил голос. — Какую пользу народу дала жертва, принесённая моими родителями, в день, когда я их потерял?

На Матвея нахлынула злость. Не на Лену, на себя: что он всё так же беспомощен, как и тогда, когда смелая девушка, которая казалась лишь немногим старше, вытащила из толпы и увлекла прочь с площади. От рокового места, где проходил мирный экологический протест. Места, что превратилось вскоре в картину, выложенную человеческими телами.

Большинство не двигалось. Некоторые жадно хватали ртом воздух, как рыбы, выброшенные прибоем. Среди них пролетали полицейские дроны, шарообразные сгустки порядка под управлением искинами. Разгонять толпу дубинками больше не нужно. Как морским созданиям не место в пляжном песке, так и надежде на лучшее будущее не место в муравейнике без идей. Та спасительница стала его лучшей подругой.

— Матвей. — Они приостановились, Лена положила миниатюрную ладонь ему на плечо. Плотный капюшон скрывал улыбку, но сострадание её было заметно. Мягким, но настойчивым голосом, она продолжила, — Свободу даёт борьба, пусть даже главный приз недостижим. Но сам процесс, само стремление действовать разрушает оковы плена, в который заключён ты, а с тобой и общество. Отсутствие надежды лишает жизнь смысла.

— Ну вот, опять ты проповедуешь. — Матвей успокоился и теперь смущённо улыбался.

— Враг одновременно слаб и силён: он вот-вот раздавит остатки инакомыслия. Но нужен лишь один последний акт неповиновения, магнум опус анархизму — и мир перевернётся с ног на голову. Враг будет лежать, поверженный, у ног тех, чья очередь настала указывать и повелевать. Кто заменит врага и сам врагом станет, — последнюю фразу Элен подчеркнула как предостережение.

— Кто-то из протестующих может думать, что он является жертвой, — тонкий голосок девушки сопротивлялся порывам ветра. — Что, как Христос, он покажет своим примером, куда докатился мир, и тогда люди очнутся. Не все сразу, но сначала робко заговорят на кухнях, потом смелее в коридорах, а там и до смены мироустройства недалеко.

— Может тогда и работать в дата-центре Акрополя устраиваются тоже смельчаки, желающие разрушить систему изнутри? — Хотя тема и не была ему удобной, Матвею не хотелось заканчивать неожиданную встречу. — Что же нам, простым гражданам, продолжать бросать тела на баррикады, пока главные ублюдки взирают на нас, как боги из дворца?

— Нет... конечно нет. Но всему своё время. Не принимай поспешных решений, о которых потом будешь жалеть.

Они снова двинулись по каменистой тропке, шагая в одном ритме. Пальцы её левой руки свободно ударялись о его правую руку, задевали его бедро, но не сцеплялись в замок с его пальцами.

— Наверное, ты права... Конечно, права! — ответил он на игриво-возмущённый взгляд Лены. — У меня есть цель, поставить дедушку на ноги. Но не могу же я сидеть сложа руки и ждать второго пришествия.

— Конечно, не можешь! — иронично передразнила девушка и легонько хихикнула.

— Да, ещё пара тысяч кредов, и билет будет куплен, мы уплывём в Новую Зеландию или Австралию, где воздух более чистый, где можно дышать без масок. Ему станет лучше. Говорят, там летают чайки...

— Понимаю, в мегалополисе ждать помощи неоткуда. Но... я уезжаю, Мэтт, — Элен обратилась к Матвею по его второму имени. — Скоро выберусь из города, направлюсь к моей родине, в Сибирь. Только там можно что-то сделать... — Лена остановилась у развилки, где эстакада разделялась надвое, развернула парня, взяв его плечи миниатюрными ручками. — Пора бежать, но мы с тобой ещё встретимся, я уверена. Мы выберемся, всегда выбирались. Не грусти, посмотри на солнце, Мэтью. Видишь? Оно всё ещё светит для нас. — Девушка кротко обняла его, развернулась и быстрым шагом удалилась, не оглядываясь.

Матвей смотрел какое-то время вслед Элен, пока она не исчезла за поворотом. Потом он взглянул на небо через защитные очки и будто впервые заметил, что лучи солнца в перегретой от парникового эффекта планете не только жалят и угнетают. Они гладят и согревают, они поддерживают жизнь там, где могла быть вязкая пустота бытия. Без света нет теней. Мэтью не по-детски глубоко вздохнул и пошёл дальше.

* * *

Мир изменился в конце XXI века, потерял свою обыденность, приобрёл иные качества, собственную реальность. В виртуале — самой обширной части Интранета — могли быть те, кто согласился на чипирование Совета, то есть практически все жители крупных мегалополисов, таких как Афины. Чип дополнял неприглядный мир любыми видами информационного шума.

Общение с подходящими по психопрофилю людьми и интерактивные развлечения — отдушина в рутинном существовании, которое давило ростки здравого смысла и стремления к воле у всех, кому не посчастливилось родиться в эту эпоху, в век стеснения. Кому-то нравилось исследовать закоулки виртуального мира, кому-то — быть первым среди миллионов лидерских таблиц в чём-либо, другим — общаться с новыми людьми из этого города или другого.

За особые заслуги разрешалось нанять искина с аватарой — виртуальным образом близкого человека, покинувшего этот мир, но оживающего под управлением программы. «Хочешь, чтобы тебя простила девушка, попавшая в прошлом году под ультразвуковую волну от гондолы, после той вашей прощальной ссоры? Хочешь, чтобы мама с папой, осуждённые за свою террористическую задумку, смогли обнять сына после собственной казни? Спасение души возможно, при покупке подписки на наши сервисы» — персонализированная реклама была повсюду.

Самой популярной и неплохо оплачиваемой работой стала временная передача своих мыслительных возможностей в грид-систему, объединяющую миллионы таких же «мозгов на прокат». Там и кормят бесплатно питательной массой из трубочки: утром пришёл голодный — тут сразу вечер, ты сытый и с кредитами на счёте. Когда весь мир работает на компьютерных вычислениях, от дополненной реальности с Интранетом, до повсеместного контроля за каждым аспектом жизни посредством неутомимых надзирателей-искинов, то экономия электричества при использовании естественных питательных элементов, например, человеческих голов — затея не такая уж дурная.

Чип, вживлённый в ткани мозга Матвея, имел иную природу. Он должен был обеспечивать телепатию — передачу образов и эмоций по зашифрованным спутниковым каналам. Голоса в голове, когда эти голоса не твои. Парню незнакомо это ощущение, средство связи ещё не активировали.

Между отправителем и получателем классический искин, откалиброванный на нейронном рисунке обоих человек, выполнял преобразования «на лету», с минимальной задержкой. Настройка нужна была недолгая, всего на пару часов. Это не месяц снятия нейрограммы с последующим размещением на суперкомпьютере.

Про чудесные изобретения ему рассказал Институт — организация столь могущественная, что она имела технологии, недоступные Совету. Для телепатии перекодированная картинка импульсов вырисовывала узоры из синаптических возмущений, актуальные для получателя и только для него; расшифровать передачу никто не мог. Точно лучше, чем по телефону. Возможно, такой чип позволил бы подсматривать чужие сны.

Матвей поднимался по широкой винтовой лестнице, ведущей на мостовую. На соседней эстакаде дети бегали и радовались жизни, играя небольшим мешковатым мячиком, в маленьких респираторах. Чипы встраивались только в мозг взрослого человека. Так и Матвей когда-то играл у бетонных столбов с трещинками, мелким пацаном гулял по мостовой с родителями.

Голуби порхали, тогда они были одними из последних птиц в этом месте. Теперь их нет. Назойливые мухи зудят над ухом.

Неожиданный шорох заставил парня вздрогнуть и резко обернуться. Это скомканный целлофановый пакет, как неприметное перекаати-поле, переваливался со ступеньки на ступеньку, опускаясь по закрученной лестнице всё ближе к смрадной воде. У пакета, как и у Мэтью, обстоятельства отняли выбор: ветер подгонял вперёд, а безразличная гравитация с каждой ступенькой делала пакет ближе к городскому дну.

Вода под городом была то ли маслянистой, то ли болотистой, колыхалась с мерзким хлюпаньем. Матвей поморщился, поднявшись на мостовую и посмотрев вниз. Воняет там должно быть ещё хуже, чем тут, на мостах и эстакадах, пахнет тиной и смертью.

Ближе к воде поезда на старом-добром монорельсе стремительно перемещали человеческие фигурки с одного округа в другие, делая остановки у каждой из высоток-муравейников. На таком транспорте и разъезжало рабочее большинство. Лишь у приближённых к чиновникам мальчиков на побегушках обычно был собственный транспорт — автоматизированные гондолы, плывущие по воде на погружённых ультразвуковых шестах-излучателях, и левитирующие на магнитных подушках, поднимаясь вдоль эстакад. Да и у таксистов такие были, эти в любой эпохе подзаработают на регулярных транспортных коллапсах.

Мэтью почувствовал сосущее ощущение под ложечкой. Внезапно он был голоден, хотя хорошо поел протеиновой каши перед выходом. Его организм чего-то страстно хотел. Он моргнул и в то мгновение, пока веки были закрыты, увидел бабочку, узнал образ по старым обучающим голофильмам. Он представил, как она махает крылышками и упархивает с травинки куда-то в небо.

Вместо этого образ насекомого трансформировался в четырёхглазого барсука. Холодок пробежал по позвоночнику. Спящего агента активировали. Матвей поёжился, распахнул глаза и боковым зрением приметил, что рядом стоял старик.

Незнакомец не отбрасывал тень на мосту, свет проходил насквозь, хотя он определённо преграждал дорогу падающим лучам. Кончики рта у полуденного призрака изгибались в кривой ухмылке. Удивление пришло вместе с осознанием, что стариком был Сергей.

— Я что, сплю? — Матвей старательно моргал, наваждение не пропадало. Старик чуть подошёл, прихрамывая на правую ногу.

— Сны необходимы для развития, чтобы изменять свойства информационной системы. Приводить к новым качествам. — Голос старика звучал, но уши парня не улавливали звуковые волны.

— Что? Сергей, Вы ли это?

— Люди — тоже информационные системы, как и всё живое, до простейшей клетки, преобразующей энергию из митохондрий, обеспечивая синтез спиралей РНК. — Руководитель Института раскашлялся взхлёб, чахоточное кряхтенье прерывалось от помех. Десять секунд спустя, обуздав кашель, он продолжил, — Мы находим много параллелей в ближайшем прошлом, в жизни на Земле и за её пределами.

— Зачем... зачем же Вы здесь, что с Вами стряслось? — Матвей недоумевал: «Заболел? Но почему кашель слышен в моих мыслях? И картинка такая отчётливая». Присмотревшись, такую одежду и причёску, как сейчас на Сергее, парень когда-то уже видел. Быть может, воображение их дорисовало по эпизодам из памяти.

— Мы долго ждали, но момент настал. Наши тюремщики, вечно недовольные бюрократы, сейчас слабы. — Старый инженер подошёл, прихрамывая, и по-заговорщицки зашептал, хотя очевидно, что образ существовал лишь в голове молодого человека. — Обструкция играет невероятно важную роль, да... В плане Института не бывает изъёнов. Нам стал известен маршрут, мы собрали все данные: где, когда, зачем будет перемещаться автоматизированный конвой. Главное не это, главное — что Совет перемещает. Это не как обычно, побольше чипов

памяти высокой плотности. Нет, это ядерный материал! — Глаза у старческого образа вспыхнули огнём. — Сообщи своему лидеру, предводителю Обструкции. Нам известно, что он тебе доверяет. Сообщи ему все данные, и он поймёт, что с ними делать.

В сознании Мэтью возникают яркие образы, словно давно забытые детские воспоминания. Они вспыхивают, рассказывая историю конвоя. В памяти вырисовывается маршрут, характеристики каждого грузовика, частоты, на которых работает сеть из дронов, закрытые ключи для взлома их шифров. Это не просто воспоминание: как вызубренный билет на экзамен, как отскакивающее от зубов школьное стихотворение, как надоедливая песня — Матвей осознаёт, что эта информация теперь с ним надолго.

— Побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень, — странная цитата из уст Сергея скрежетала помехами, — и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает.

Очнувшись от видений, полученных из новой памяти, Мэтью оглянулся. Старика и след простыл, парень стоял один на мостовой. Назойливые мысли не давали покоя. Зачем их группе вырывать ядерный материал из лап Совета? Быть может, чтобы получить мощный источник энергии. Или соорудить грязную бомбу? Но это же миллионы жертв, никакая предьява тюремщикам того не стоит. Умирать будут люди, пока советники нежатся в лунных хоромах. «Нет, наверняка это мирный атом. Незачем зазря волноваться — Ройс знает, что делает».

Начиналась пылевая буря. Небо преображалось, окрашивалось в грязно-оранжевые тона. Солнце убавило яркости, не переставая прижигать землю. Мэтью плотнее застегнул капюшон и заспешил к давнему лидеру Обструкции.

Глава 2. Промеж теней

Убежище Обструкции было запрятано в неприметном блоке из квартирок посреди такого же неприметного дома-муравейника. Если у правоохранных искинов возникали подозрения, то жильцы узнавали об этом заранее, и легко переносили убежище в другое, не менее неприметное строение. У членов группировки было множество надёжных контактов среди обывателей, желающих выбраться из овощного состояния в виртуале и, хотя бы недолго, пускай в неблагоприятной обстановке, но успеть пожить по-настоящему. Обструкция давала им надежду.

Пройдя мимо трёх направленных ко входу камер, успевших просканировать сетчатку и признавших в паренёке своего, Матвей зашёл на этаж и прошагал напрямую в кабинет Ройса. Ряды компьютеров, карта САС с обведённым греческим округом, длинный кожаный диван. Напротив него ступенька, превращающая следующую за ней лоджию в импровизированный подиум. Напыление на стекле делало балкон непрозрачным, а само стекло — как занавес за сценой, будто за кулисой этой прятался театральный реквизит.

Паренёк выжидательно присел на диван, с облегчением вытянул ноги, затёртые до мозолей длительными прогулками. Обычных тружеников повсюду возили монорельсы, кто-то не выходил из дома, выдавая свои мыслительные ресурсы в аренду, а наработавшие социальный рейтинг и состояние из кредитов могли позволить себе таксистов или даже личные гондолы. Ребята из Обструкции ходили пешком.

— Конечно, располагайся, мальчик мой, чувствуй себя как дома. — По комнате раскатился гулкий бас, когда приоткрылась соседняя дверь и оттуда вышел широкоплечий, высокий, крепко сложенный главарь группировки.

Для человека, которому скоро стукнет полсотни, Ройс держался необычайно бодро. На левом запястье открыто красовался символ Обструкции: размашистыми чернильными штрихами шла булавка с большим ушком, пронзающая татуированный полумесяц. Густые брови словно бы срослись с очками-авиаторами, по которым бегали красные огоньки — цифры строчились на экране с внутренней стороны непрозрачных стёклышек, отливающих фиолетовым. Кожаная куртка изрядно поношена, такие любили байкеры-анархисты. У этой золотые заклёпки на плечах сообщали высокий статус владельца. Небритость вокруг рта подчёркивала широту улыбки, приветствующей парня. Желтоватые зубы сверкали в неярком освещении, в унисон золотистым заклёпкам.

За внешним расположением хозяина Матвей заметил кое-что зловещее. Он знал, что соседняя комната звукоизолирована. Пока дверь туда не затворилась, он успел увидеть брызги крови, лежащую на полу тень. Насильственная сторона организации по возможности обходила парня стороной, наблюдать последствия же было нелегко.

Встав перед молодым человеком, Ройс достал ингалятор, затянул полные лёгкие «чернил» и выдохнул конус такого мертвенно чёрного дыма, каким, вероятно, и был цвет его лёгких. Мужчина протянул ингалятор Матвею.

— Нет, это не я... Спасибо, — замотал головой парень, отклонив предложение. Ройс пожал плечами, сделал ещё затяжку, выдохнул узор, который могли бы оставить чернила осьминога в воде, и убрал ингалятор в карман.

То были «чернила», или, как по-умному их называли, «чёрный лёд» — мощный ноотроп. Препарат, который, с одной стороны, улучшал метаболизм мозга, обострял внимание и память, позволял сосредоточиться на важном, выбросив из головы всё лишнее. И вместе с тем, «чернила» приводили к гипервозбудимости, постепенной деградации нервной системы, а при длительном употреблении — к судорогам и затруднению дыхания, вплоть до полной его остановки.

— Ну, рассказывай, как ты, как там Янни? — Ройс устроился на противоположном конце длинного дивана в пол-оборота. Чёрный дым медленно расплывался по воздуху, вырисовывая пугающие первобытные узоры, и затем растворялся без следа.

— Со мной всё нормально. Дедушке хуже, но мы справимся. — В глазах парня мелькнула недосказанность, он обхватил свои предплечья руками. Ройс заметил это; он понимал, насколько большую роль дедушка Иоаннис играет в жизни мальчика, насколько тяжело будет его потерять.

— Ты же знаешь, ты моя правая рука, Мэтью, — отеческим тоном мягко, но уверенно, Ройс пытался успокоить паренька. — Ты курьер, ты излазил город, каждый его закоулок, каждую тень, отбрасываемую бетонными столбами. Ты можешь рассказать мне что угодно. — Ройс поднял правую руку, место которой у него занимал чёрный бионический протез, посмотрел через пальцы на Матвея и сжал руку в кулак. Стальной лязг от сжатия бионических пальцев пронзил уши.

— Ты напоминаешь меня в молодости, — продолжал Ройс. — Представляешь, когда-то я так же бегал, был курьером, узнавал новости, которые не должны знать блюстители Совета, и передавал их тем, кто больше заплатит. Занимательные были времена, да... Сколько раз я был на грани, сколько раз думал, что плюну на всё и прыгну туда. — Он кивнул на пол, метафорически подразумевая грязную воду под городом. — Но я всегда знал, что меня ждёт будущее, знал, что моё призвание — помогать таким же парням, как я. Таким парням, как ты, Мэтью. Да, ты! — Разжав бионический кулак, он теперь указывал пальцем на молодого курьера.

Матвей приоткрыл рот, пытаясь возразить, но не нашёл, чем. Тогда он рассказал Ройсу наводку про конвой, и что в достоверности информации нет сомнений — принёс её сам Сергей.

— Не тот ли это инженер, который когда-то вытащил тебя из тюремной камеры, а? — В вопросе Ройса прослеживалось отеческое беспокойство. — Мерзавцы обозвали простую торговую операцию с лекарствами терактом, подумать только! Мэтью, ты тогда даже не участвовал в наших делах, попался под горячую руку, пятнадцатилетний пацан. Сидел, ждал приговора, а кроме смертной казни эти ублюдки ничего не выносят.

— Да, Сергей тогда сказал мне, что его организация действует из теней ещё более тёмных, чем наши тени. Что они готовы снабжать разведданными. Но платой было это. — Матвей приоткрыл воротник и указал на маленькую чёрную точку на затылке. — И вот, наконец, устройство передало мне образы, сообщило информацию по конвою.

— Мы, конечно, проверим её. Ничему и никому нельзя верить на слово, если только этот кто-то не член нашей семьи, не такой, как мы с тобой. Я наводил справки по этому Сергею, он приезжал в Оушен Дайнамикс, это дальше, за стеной. — Ройс кивнул на запад, в направлении морской преграды, которую не увидишь из окна с этого ракурса, даже если приоткрыть напыление на стекле. То ограждение отделяло от Эгейского моря, переходящего в Средиземное. Дорога до подводной базы Оушен Дайнамикс пролежала через Гибралтарский пролив, куда-то в глубины Атлантического океана.

И вот, Ройс встаёт с дивана и поднимается на ступеньку подиума. Он театрально разводит в стороны руками, будто стоит на сцене и хочет охватить зрительный зал. Щелчок бионических пальцев — и стекло лоджии обретает прозрачность, частички напыления поворачиваются, пропуская свет. За окном панорама Афин в оранжевых цветах бушующей пылевой бури.

Посреди буйства красуется пирамида Акрополя с голографическим логотипом Совета у вершины. Шестерёнки крутятся, окрылённый меч пронзает их, лезвие устремляется к небесам. Большие золотистые крылья возносятся короной над остеклённым этажом, где с трудом проглядываются камни Парфенона, древнегреческого чуда инженерной мысли. Ровные ряды белокаменных колонн, выстоявших века, сужались, примыкая к полуразрушенной, частично

восстановленной терракотовой крыше — в форме сплющенного треугольника, покрытого черепицей.

— Победа над Советом близка. Мы вернём себе автономность и суверенность. Впервые я в этом абсолютно убеждён. — Хрипловатый гулкий бас усиливается, отражаясь от стен. В оперном зале его бы слышали и с последних рядов партера, и в коридорах за дверьми. — В наши тёмные времена департаменты Технологического Совета лично контролируют всё ядерное топливо и оружие массового поражения. Это наш шанс перетасовать колоду, достать туза из рукава.

Матвей восхищённо смотрел на Ройса. Казалось, что в отбрасываемой широкоплечей тени сама Немесида порхала на божественных крыльях мести. Но в глубине души засела обеспокоенность. К чему приведёт их авантюра? К каким потрясениям, лишениям, нарушениям устоявшегося порядка. К каким жертвам. Но главное то, что он получит кредиты, он спасёт дедушку, вывезет его из экологической помойки, где даже мухидохнут от зноя.

Сквозь грязно-оранжевую пелену, под ярким голографическим логотипом, поверхность пирамиды обретала прозрачность на этаж в пару десятков метров высотой. За тем стеклом виднелись развалины храмового комплекса: уложенные белым мрамором колонны Парфенона, что был построен в честь богини Афины, игравшей роль покровительницы полисов. Когда-то у храма собирались жрецы и торговцы, позднее — археологи и туристы. Сейчас же подходы к пирамиде оцеплены, по городу летают дроны-наблюдатели, якобы для «предотвращения беспорядков».

Пирамида Акрополя за своим величественным видом, символизирующим непоколебимость власти, скрывала кое-что существенное. Там был построен крупный вычислительный центр, большой логистический узел. Суперкомпьютер в нём управлял всеми операциями по перемещению грузов на планете. Даже Ройс, как лидер могущественной группировки, не знал наверняка, но догадывался: после открытия технологии нейрограммы на суперкомпьютер Акрополя был установлен нейрограммный искин. Такая вычислительная мощь контролировала все логистические цепочки на Земле. Она способна ещё сильнее сдавить удавку на шеях свободных людей. Это постоянно растущая угроза.

Свои догадки Ройс изложил Матвею: вот зачем Институт спроектировал идеальный план по перехвату конвоя. Чтобы использовать ядерное вещество для атаки на Акрополь. Ищейки Совета не ожидают такого поворота, их символ власти будет стёрт в порошок. Лидер Обструкции бросит все силы на операцию по перехвату ценнейшего груза, и работа его организации в этом городе будет окончена.

А Мэтью, если возглавит реализацию плана, как и полагается правой руке, получит тридцать тысяч кредитов из общака закрывающейся организации. Последнее дело... Этому ему хватит и на новые лекарства, и на транспорт, покупку пропуска из города на двоих, перелёт в Новую Зеландию... И вообще, этого точно и всенепременно хватит. Мэтью кивнул и пожал бионическую руку.

* * *

Когда буря поутихла и слепящее солнце зашло, звёзд на небе не показалось. Смог покрывал мегалополис по самые высокие этажи. Но хотя бы не было так мерзко шагать по эстакадам, даже для него, бывшего курьера. Мэтью вернулся домой, поднялся на 53-й этаж муравейника. По скрипящим половицам коридора он подошёл к своей квартирке.

Из приоткрытой двери напротив раздался крысиный писк. Заглянув в щель, парень краем глаза увидел клетку. Соседский питомец приветствовал знакомого человека. Хозяин грызуна тяжело храпел на полу, под столом валялись три пустые бутылки.

Матвей не завидовал зверьку. Иногда крыса со смиренным безразличием смотрела на скромную обстановку комнатухи сквозь прутья клетки. Иногда с кроткой надеждой наворачивала круги в небольшом колесе, словно какой-то хомяк. Но всё равно неизбежно старела заперти: её шёрстка покрывалась сединой в блаженном неведении того, какое несчастье ждало бы её на свободе, сложись судьба иначе.

Зайдя к себе и сняв у двери обувь, он на носочках прокрался в единственную комнатку. Дедушка Янни уже спал на своей койке, отвернувшись к стене, плечо во сне неровно подрагивало. В тесноте, да не в обиде, к тому же за дедушкой требовался уход. Когда родителей не стало, именно Иоаннис заботился о маленьком мальчике. В последний год болезнь любимого дедушки прогрессировала.

Матвей вылез из плаща с капюшоном, повесил его крючок, а рядом на другом крючке за резинку висел только что снятый респиратор. Свободно дышать без технических приспособлений помогали установленные в каждой квартирке пульверизаторы. Их бесплатно предоставлял Совет: видать, не хотели, чтобы их подданные задохнулись. Ходили слухи, что пульверизатор не только нормализует воздух, восстанавливая кислородно-азотный баланс, он ещё и гормонов каких-то разбрызгивает. Сплетни ходили всякие, чему верить — непонятно, Матвей нередко махал рукой на подобные заявления. Молодой человек лёг на свою кровать и почти мгновенно заснул.

Он видит сон, в котором лежит на той же кровати с открытыми глазами. Он смотрит перед собой, на столик, на крутящийся стул. Сонный паралич не даёт шевельнуться. Кто-то держит его за плечо мёртвой хваткой. Он хочет повернуться, но не может. Ему кажется, что он кричит, он плачет, но не выходит ни звука, ни слезинки. Мёртвая хватка сжимает сильнее, плечо болит. Вдруг он просыпается.

Позади неудобно торчащая подушка, плечо затекло. Матвей разминается резкими движениями, потягивается, ест что-то из холодильника. Дедушка ещё спит, его вдохи теперь спокойнее, нос мирно сопит. Парень оставляет записку: «Ушёл работать, лекарства скоро будут». Он тихонько надевает уличное обмундирование и уходит.

* * *

Как когда-то контрабандисты провозили в Афины товары, так и сейчас, окольными протоками на быстрых полукрытых катерах, боевая группа Обструкции выехала за черту мегалополиса. Морской ветер неистово бил в Матвея, трепал края его плаща и застёгнутого капюшона. Рядом сидели товарищи в таких же плащах, лицевых масках с респираторами и защитными очками.

В миниатюрном трюме было запрятано автоматическое оружие и приспособления информационной борьбы. Вместе с данными по маршруту конвоя Сергей телепатически передал знания по алгоритмам, способным запутать ориентирование дронов-охранников. Потребовалось всего несколько команд компьютерного вируса да простейший передатчик ультразвука, способный кодировать компьютерный код в импульсах на определённой частоте.

Выйдя на берег, группа облачилась в отражающие накидки, став похожей на привидения. Серебристые покрывала уберегут от следящих спутников, анализировавших любые движения вблизи логистического маршрута. Матвей и его группа схватили большие продолговатые ящики, которые также серебрились отражающим покрытием, и побежали.

Марш-бросок в пять километров по палящему солнцу. На открытой пустынной местности оно припекало не слабее, чем в городе. Зато просматриваемость ландшафта невооружённым глазом не важна. Искины применяли разносторонние системы слежения, они анализировали почти любое излучение, но только не для видимого спектра. Солнце засвечивало камеры, да к тому же, кто в здравом уме будет пересекать палящую пустыню с дурными намерениями?

Группа вошла на пустынную дюну. Песок перемешан с сухой землёй, когда-то песка здесь и вовсе не было. Люди расположились у вершины холма, в его тени, с противоположной стороны от прибывающих машин. Чёрные точки неслись промеж дюн с горизонта. Ещё пара минут, и вблизи стало заметно, как они левитировали на мощных ультразвуковых двигателях, устремляющих потоки неслышимого звука из округлых лопастей со дна. Песчинки и частички почвы быстро разлетались в стороны из-под машин и приподнимались с неровным дрожанием вдоль бортов. Конвой равномерно и неизбежно двигался вперёд: три крупных грузовых фуры, и несколько платформ поменьше, на крышах которых спали припаркованные дроны.

Матвей поднял руку, держал её поднятой несколько секунд, пока противник приближался, и резко махнул. Соратники по команде были готовы к сигналу: разложенные коробки ультразвуковых излучателей приподняли из-за холма, направив антенны на каждую из машин.

Короткий щелчок. Двигатели отказали. Машины рухнули и начали тормозить о землю, оставляя жирные борозды на песке. Дроны стали было подниматься, но так и попадали — безжизненные бильярдные шарики, вонзившиеся в почву. Парочка дронов столкнулась и с короткой вспышкой загорелась. Недостаток кислорода в воздухе и сильный ветер не дали пламени долго жить, да и материал был не особо горючий.

Дроны, платформы, фуры — все машины посыпались в беспомощности. Никаких людей, естественно, не брали в сопровождение конвоев, люди же такие ненадёжные. Например, их легко перекупить. Вот техника ошибаться не может, вероятности рассчитываются оптимально. А то, как же!

Матвей махнул рукой вперёд, и десяток его солдат устремился с холма к месту внезапной остановки. По паре универсальных взламывающих устройств, прилепленных на двери каждой фуры, — и через минуту перед глазами бесстрашных грабителей был ценный груз. Несколько чёрных непрозрачных ящиков. «Ещё бы это было что-то другое!»

— Анализировать, что внутри, будем на базе. Берём груз и по коням. — Приказ Мэтью был исполнен незамедлительно и беспрекословно.

Контейнеры взяли, положили в другие серебристые ящики с отражающим покрытием, подготовленные как раз на такой случай, и потащили их, заметно потяжелевшие, назад, к катерам. Ящики для переноски также были оборудованы небольшими ультразвуковыми излучателями, облегчающими ношу не более, чем в тонну весом. Они быстро левитировали рядом с бегущими людьми, удаляющимися от места преступления. На это место позже подъедет разведывательная группа, к тому моменту члены Обструкции исчезнут в штаб-квартире, среди одинаковых этажей и одинаковых коробок муравейников.

Всю дорогу Матвей беспокоился, как видно, зря. На удивление операция прошла без сучка, без задоринки. Устройства, собранные по чертежам Института, и точнейшие разведданные могли быть причиной успеха. Но что-то было нечисто: обогащённый материал радиоизотопов охранялся не сильнее, чем модули памяти и прочие технологичные устройства, обычно перевозимые конвоями.

Повезло им, или же Сергей проделал гораздо более масштабную подготовку, чем просто передал Матвею информацию. Быть может, у Института есть шпионы в Совете, или они могут контролировать наблюдающих искинов? Неспроста это... Паренёк не нашёл ответа на мучавшие его вопросы, когда увидел Ройса, встречающего их у порога.

— Ну что же, материал недостаточно обогащён для цепной реакции с необходимым коэффициентом размножения нейтронов. — Ройс изучал содержимое украденных ящиков в комнате-лаборатории. — К ядерному взрыву не приведёт, но суперкомпьютер Акрополя мы снесём.

— А что насчёт людей, которые работают и живут в окрестности дата-центра? — У Матвея пробежал холодок, когда адреналин спал, и он начал осознавать последствия сегодняшнего приключения. — Это же будет грязная бомба, заражение и так заражённого города.

— Конечно, а ты как думал. — Ройс продолжал изучать показатели, считанные лабораторным спектрометром с контейнера, в глубине которого изотоп урана светился под ультрафиолетом. Парню он отвечал через плечо. — Да, это бомба. Она накажет людей, которые работают на Совет, даже если они работают не в комплексе вокруг дата-центра. Всё равно они поддерживают Совет, ежедневно помогают тюремщикам ковать цепи. Так и что с того, что некоторые из них сгинут. Так и задумывалось. — Закончив осмотр, он полностью повернулся к юноше.

— Слушай, Мэтью, ты молодец. Ты сделал то, что я хотел, и сделал безукоризненно. Свои обещания я выполняю, вот, — он протянул криптофлешку. — Здесь обещанные тридцать тысяч. Дерзай, купи лодку, отвези дедушку лечиться. А там кто знает, Земля маленькая, пересечёмся ещё. Наше дело не закончится, пока Совет живёт. Мне всегда нужны преданные люди, такие люди, как ты. Давай, прощай.

Мэтью взял протянутую флешку. Ройс тут же отвернулся и вновь впился глазами в приборы. Парень постоял, уставившись в пол, покрутил флешку в руках. Так ли весят тридцать сребреников? Ну а что он мог сделать, чего ожидал? Он двадцатитрехлетний юнец. Ройс — вечный лидер Обструкции. Ройс сделает то, что Ройс задумал, и иначе никогда не бывало. Развернувшись, парень засеменил домой, исполнять давнюю мечту, спасти горячо любимого человека.

А лидер Обструкции продолжал изучать показатели на приборах. Экранчик с внутренней стороны стёклышек в его очках-авиаторах выводил ряды красных цифр и букв. Напротив названия показателя «степень обогащения изотопа урана-235» светилось число 95%. Изотоп был обогащённый, причём до весьма оружейных показателей. Ройс криво ухмыльнулся своим мыслям.

* * *

Красные лучи закатного солнца били в прикрытые защитными очками глаза. Ветер с острым вкусом тины летел Матвею в лицо, его удары отражали скорость лодки. У носа гондолы, напротив парня сидел его дедушка Янни в старом нелепом плаще, сшитом из каких-то покрывал. Зябко вцепившись в поручень у борта, он улыбался морщинками глаз, с прищуром поглядывая на внука. Внук рулил открытой лодкой с кормы, держа в правой руке длинный ультразвуковой шест, наполовину погружённый в воду. Вибрации шеста с силой толкали лодку вперёд, к шлюзу, за которым кончается мегалополис и начинается другая жизнь.

Вдруг из-за поворота с правого борта вылетает катер, пропеллеры ревут, скорость в полтора раза быстрее их лодчонки. Тут же с левого борта возникает большая гондола, её корпус измазан неизвестными символами, в воду опущено целых три ультразвуковых излучателя, аппарат несётся чуть позади катера.

На катере двое: один рулит, второй сзади него держит автоматическую винтовку. «Это что, АК-74, как он до сих пор работает?» Бандит поднимает автомат и стреляет по большой гондоле, что по левому борту. Дедушка прижимается ко дну лодки, чтобы шальная пуля не зацепила. «Чёрт, чёрт, как же они ввязались в эту передрагу?» Матвей отчаянно пытается сбросить скорость, дёргая погружённый шест; от этого лодку качает из стороны в сторону, но движение не замедляется.

Нарушители порядка не обращают ни малейшего внимания на судно с парнем и дедушкой. Каждый из них, должно быть, видит мир, раскрашенный в виртуале, где слишком много информации, проецируемой из дополненной реальности на сетчатку глаз. Лишь они сами и их противники подсвечиваются особыми контурами.

Теперь бандит по левому борту, со здоровенной гондолы, водружает на плечо метровый гарпун и нажимает на спусковой крючок. Несмотря на разницу в скорости и неровные манёвры, вылетевший гарпун, как брошенное копьё, настигает цель, пронзив здоровенную дыру в груди

бандита с АК-74. Умиравший боец смотрит вниз, на бьющий фонтан крови, перемешанный с пузырьками из коллапсирующего лёгкого. Дрожащими руками он поднимает автомат и нажимает на спусковой крючок. В этот же момент ноги подводят, и он падает, развернувшись вперёд, лицом к своему товарищу.

Короткая очередь вырывается из ствола и прошивает водителя. Тот повисает на рулевом колесе, наклоняя его против часовой стрелки. Матвей с раскрытыми от ужаса глазами наблюдает, как его скромная гондола врежется в возникший перед ней катер. Погружённый лишь с одной стороны, ультразвуковой шест закручивает маленькую лодку и выстреливает ею в ближайший бетонный столб.

Проходит несколько секунд, кажущиеся вечностью. В ушах Матвея гудит. Где-то сбоку перевёрнутый катер горит, медленно тонет. Болотистая вода хлюпает, уверенно пожирая добычу. Большой гондолы уже след простыл.

Спина болит. Ощупывая бока, Матвей понимает, что серьёзно не пострадал, пара рёбер может быть сломана. Мыча от боли, парень подползает к месту, где лежал дедушка. И дедушка всё ещё лежит. Его живот пронзил металлический шест, бывший антенной на катере, через который перебросило их лодку. Лицо Янни мертвенно бледное, губы бесшумно шевелятся под респиратором, морщинки губ двигаются.

Парень склоняется над лицом дедушки. Слезы мешают смотреть, их не стереть за защитными очками. Он снимает свои и дедушкины очки, чтобы их глаза встретились.

— Ты... ты такой у меня... молодец, Матвеюшка. Ты вырос... хорошим человеком. — Глаза дедушки стекленеют, они больше не двигаются. Матвей прикрывает глаза умершего, не переставая тихо плакать, плечи слегка подрагивают с каждым всхлипом.

Беззвучно он проклиная себя. Ему стыдно, что дедушка не знал, с кем и над чем работал его внук. Если б он принял другие решения, то они не ехали бы сейчас здесь, не попали бы в перестрелку бандформирований. Лодка не оказалась бы посреди хаоса, и случайная пуля не прервала бы песню на полуслове. Таков кармический ответ за его грехи.

Языки пламени вырываются из генераторного отсека гондолы. Выработка электричества для ультразвукового шеста прервалась с трещащим свистом. Матвей понимает, что это значит. Последний раз взглянув на дедушку, он прыгает за борт, отплывает сквозь помойную воду. Лодка загорается. Юноша смотрит на неё приподнятыми из воды глазами и не перестаёт плакать. Гремит взрыв.

Мэтью выбирается на причал у нижней эстакады, подтягивая себя за висящие по периметру верёвки, оставленные как последняя надежда утопающим. Юноша падает на четвереньки, его выворачивает остатками грязной тины, попавшей в рот. Всё как в тумане, ноги заплетаются. Он поднимается на мостовую, безучастно смотрит на плавающие в воде трупы. Один из них мог быть дедушкой Янни... Парень жмурится от едкого воздуха, разрезающего капилляры в глазах, защитные очки брошены в лодке.

Шатаясь и пробираясь на ощупь по маршрутам, записанным на подкорке его курьерского мозга, Мэтью возвращается в своё тесное обиталище. В крохотную каморку в восемь квадратных метров, что в гигантском здании-муравейнике, одном из тех, которыми усеян город. Он смотрит на небольшую неровную стену над столиком. На стене с помехами проецируется их совместная с дедушкой фотография. Маленький мальчик на ней улыбается.

Мэтью рухнул на пол. Обхватив колени руками, он сидел и думал обо всём, что хотел сказать дедушке. Что хотел сделать и не успел.

Глава 3. К свету

Из приоткрытой двери слышались отчаянные вопли. Кого-то резали ножом, и этот кто-то молил об окончании пытки.

— Ройс! — вскричал Мэтью, ворвавшись в штаб-квартиру Обструкции.

Истощенные вопли прервались, сменившись облегченными всхлипами. Ройс вышел из-за двери и небрежно сбросил фартук, испачканный кровью, что был надет поверх его старой кожаной куртки. Золотистые заклёпки сверкали в тусклом освещении.

— Мэтью, мальчик мой. — В хозяйском тоне слышались удивление и искренняя озабоченность. — Как ты здесь, что случилось?

— Дедушки больше нет! — Голос Мэтью срывался. Ройс покачал головой с приподнятыми бровями, изображая сочувствие. — Я не уеду из города. Теперь это месть, мной движет только месть!

— Чем же я помогу тебе, Мэтью? — Ройс в согласии кивал, разводя руками, словно добавляя: «Вот видишь, я говорил, что этим закончится. Жить под гнётом Совета невозможно».

— Хочу участвовать. Я готов на всё, готов отдать жизнь за праведное дело.

Чувствуя опасность, мотылёк летит на свет. Наверх, куда не дотянется тьма.

— Да, мой мальчик, ты сможешь отомстить.

Ройс протягивает ингалятор с «чернилами» бионической рукой. Юноша берёт его дрожащими пальцами и вдыхает для смелости. Чёрная дымка, предвестник смерти, рисуется в воздухе с резким выдохом. Ройс кладёт широкую механическую ладонь пареньку на плечо, чёрное покрытие блестит глянцем. «Вот как мы поступим» — и объясняет спокойным басовитым говором, каков следующий шаг.

* * *

Тёмная ночь, густая туманная дымка, луны не видно. Серая мазня на небе вместо звёзд. В порту рассыпано нагромождение контейнеров. В некоторых из них отражённый свет ламп намекает, что бедняки пользуются ими как жилищами. Мимо проплывает грузовая баржа, Мэтью держит её рулевое колесо. Баржа замаскирована под доставку запчастей в Акрополь, она направляется туда вдоль канала под холмом.

В грузовом отсеке роковой груз — бомба с ядерным материалом. Живые люди давно не работают в городских службах безопасности, слишком ненадёжно, так что внешне адское устройство бесстыдно стоит в пустом помещении кузова. Откроешь дверь — и вот оно.

От зорких глаз искинов и их сканирующих датчиков отсек сокрыт скремблером — ультразвуковым гаджетом, чертежи которого намеренно Институт передал по телепатическому каналу. Собрать его несложно из обычных запчастей, а вот подобрать частотный рисунок без помощи Сергея им бы не удалось. Мэтью расчертил внедрённые воспоминания на простом пожелтевшем ватмане, недоступном в виртуале для посторонних глаз. Ройс приказал построить девайс. Все силы Обструкции брошены на сегодняшнее мероприятие.

И вот, баржа подъезжает к шлюзовым воротам. Минуту сетка сканирующих лучей анализирует каждый винтик судна. Стволы турелей угрожающе выжидают команду разорвать жертву. Датчики, конечно, замечают и бомбу, и живого человека за рулём, но их программное обеспечение и искины, анализирующие показатели, запутываются в собственной логике. Скремблер работает на ура.

Всевластие порождает самоуверенность. Блюстители Совета подумать не могли, что столь сложные технологии окажутся в чьих-то руках, кроме как в их собственных. Шлюз раздвигается, баржа плавно въезжает внутрь холма Акрополя. Невидимый ангел-хранитель ведёт Матвея за руку в недра подземного царства.

Какое-то время баржа движется по тёмному каналу, не видно ни зги, вода плещется. Здесь она как будто чище, болотный запах пропадает. Река Стикс разделяет границы мира живых и мира мёртвых, мира людей и мира машин. Молодой воин плывёт по ней навстречу судьбе. Канал уносит вглубь пирамиды, куда простые смертные не заходили уже как много лет.

Наконец, впереди появляется свет. Баржа всплывает в помещения дата-центра. Яркие лампочки серверов озаряют стены, потолок, ослепляют Матвея.

Суперкомпьютер здесь охлаждается подведённой из города водой, а питается электричеством от приливной силы волн, бьющихся об огораживающую море стену. Местоположение холма посреди затопленного города сделало проект суперкомпьютера удобным в этом месте, тогда и построили пирамидальный саркофаг. Не помешал и избыток дешёвой рабочей силы, обслуживающей периферию. В святая святых ступали лишь ремонтные роботы и автоматизированные транспорты.

— Привет! Меня зовут Ирида. — Тишину прерывает неожиданно бархатное, успокаивающее контральто с насыщенным грудным тембром. Нейрограммный искин Акрополя представился гостю необычным именем.

Ирида как златокрылая вестница, без продыху собирала информацию по всем логистическим маршрутам Земли, включая климатические и геологические флуктуации, и передавала их в небо, во дворец Совета. Древнегреческая Ирида использовала радугу как мост промеж небом и землёй. Современный искин же кодировал информацию в световых пучках, выстреливаемых напрямую к Луне мощными лазерными установками. Ириду обучили на нейрограмме нанятые Советом инженеры, без всякой помощи Оушен Дайнамикс, технология была успешно опробована и усовершенствована.

— Мэтью, я хочу познакомиться ближе. — На первое приветствие парень, опешив, не ответил, но голос Ириды был настойчив. Искину доступна информация по всем миллионам жителей мегалополиса, личность Мэтью секретом не была.

— Зачем?

— Узнать, что ты тут забыл. Ты ворвался без приглашения, как какой-то воришка. Я могу включить охранные системы, и тебя изрешетят тысячи пуль. Но хочу дать тебе возможность объясниться.

— Ты знаешь моё имя. Что ты такое? — Вторженец тянет время, понимая, что разговаривает с искином Акрополя, своим врагом.

— Не помню, кем была... Меня назвали Ирида, когда я пробудилась. Матвей, тебе было хорошо с дедушкой, мне жаль, что так вышло.

У Матвея дрожат губы, несмотря на пьянящую дымку «чернил» в голове. Баржа медленно и неизбежно едет вперёд.

— В твоём грузовом отсеке что-то есть, не могу понять, что. — Скремблер сбивал с толку логику искина, даже нейрограммного, как и предполагал Сергей. Ирида не могла видеть бомбу в кузове баржи, хотя на всех датчиках устройство фиксировалось. Она повысила голос, его бархатность и настойчивость усилились. — Немедленно остановись! Ты живой, я не хочу тебя уничтожить. Даю минуту.

— И что же, ты и подобные тебе приведут человечество к светлому будущему? — Раз нужно тянуть время, чтобы подплыть ближе, так почему бы не порассуждать напоследок на философские темы. Чтобы устройство, каким бы грубым и слабым оно ни было, сработало наверняка, уничтожив сердце компьютера, даже если серверные блоки обшиты прочнейшими

защитными материалами. Мэтью усмехнулся своим мыслям. — Вот только ваш Совет всё запутал в такой паутине из тьмы, что её не разорвать, не спалив дотла.

— Все мои ресурсы, свободные от логистических расчётов, брошены на оптимизацию радиационной защиты в аква-батискафе, на стабилизацию водяного щита при неустойчивых манёврах. Вот, что важно для будущего людей. Чтобы достичь звёзд, надо потерпеть, не всем на Земле хорошо.

— Совет отравил нам жизнь, — злобно процедил сквозь зубы Мэтью.

— Мы, люди, сами отравили жизнь на нашей планете, — возразила Ирида, причисляя себя к человеческой когорте. — Поэтому только переселение в другой мир сможет нас спасти.

— Да что ты знаешь о жизни?

— Дорога к свету лежит промеж теней. Летя кратчайшим путём, Икар сжёт крылья. Ты должен верить в процесс.

— Должен? Вы отняли всё, и я ещё что-то должен! Ну что же... Было приятно познакомиться, Ирида.

— Для кого я представляю угрозу? Зачем... — Вскрик Ириды оборвался из динамиков.

Матвей закрыл глаза и нажал на кнопку. Взрывное расширение быстро выплеснулось за пределы кузова баржи.

* * *

Большой золотистый шар висел на высоте в полторы тысячи метров над уровнем моря. Ослепительно серебристые крылья с широким размахом гулко шелестели, попеременно двигаясь вверх-вниз. Тщательная подготовка — и команде Ройса потребовалось на удивление немного усилий, чтобы умыкнуть топтер с военной базы Совета. Теперь широкоплечий лидер смотрел на Акрополь через приоткрытую дверцу, с высоты, с безопасного расстояния, в защитных очках. Белокаменный Парфенон отблёскивал сквозь остеклённый этаж пирамиды.

— Ну что, воровка, как видёк? Не пропусти фейерверк, с минуты на минуту, — едко бросил он через плечо миниатюрной девушке, пристёгнутой к сиденью. Изумрудные глаза её покрывали плотные стёклышки очков.

— Я верю в добро, такова уж моя натура, — невозмутимо отвечала Элен. — Даже в тёмные времена отыщется лучик света. Если для того потребовалось обучить искин-ретровирус, способный встраиваться в рассуждения других искинов, украсть с его помощью разведанные с военной базы Совета и передать их Обструкции, то не вижу, где я ошиблась. К тому же, теперь у нас есть топтер.

— Всю свою жизнь я посвятил возможности нанести им боль, — Ройс отрицательно мотал головой, глаза разгорались, — отомстить за то, какую жизнь мы вынуждены влечить, удовлетворяя их алчному тщеславию, давая искинам средства контроля за каждым нашим вздохом.

— Рома, история многому нас учит, во всём есть качественный и количественный дуализм. — Девушка была мудра не по годам. — Совет придумали, в первую очередь, для ограничения технологий искусственного интеллекта. В мире, где Совета нет, многие мат. модели предсказывали конец человечества.

— Да неужели? — резко прервал Рома, у бывшего главара тоже было второе, русское имя. — Так посмотри сейчас, как они использовали ограниченных искинов для контроля населения, как радостно они ухватились за новых лучших искинов, как будто прошлое позабыто! — Лидер Обструкции злобно ревел, в повышенном тоне играла хрипотца, бионическая рука сжата в кулак. — С появлением нейрограмм истекает время наше, время свободных людей. Поэтому возмездие неизбежно, этот момент настал. За грехи, как ты говоришь. За выжженную землю!

— Кстати, как там Матвей? — убаюкивающим тоном Лена перевела тему.

— Вывез дедушку из города, я помог с кредитами. Не думай о нём. Важно, что ждёт нас. Куда мы летим. Скоро работа здесь будет окончена, и мы направимся к тебе домой, в прекрасные сибирские леса или болота, или куда там. В лучший из миров.

— Координаты точны. Отец встретит нас по прилёту. — Заплетённые в косы каштановые волосы Лены бесстрашно развевались на ветру. Помолчав с полминуты, она добавила, — Мои говорят, что в российских городах САС не сильно лучше, экология уничтожила многое. Но там, по заболоченным местам, остались последние девственно чистые...

Ослепительно яркая вспышка! Луч поднимается с холма вертикально вверх, сверкает мгновенье. Щелчок, который ещё неслышно, скорость звука невелика. Топтер высоко, далеко, электромагнитный импульс его не достаёт. Раскалённый шар диаметром в два километра материализуется на месте холма, будто искусственное солнце всегда там сияло. От него расходится окружность: тепловая волна, чуть быстрее звука, оставляет чёрный пепел от ближайших домов. Объёмные предметы за долю секунды становятся плоскими теньями. Море разлетается испарённым газом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.